

MILLER Tatyana Viktorovna, postgraduate student at the Chair of Political Analysis, Lomonosov Moscow State University (27, bld. 4 Lomonosovsky Ave, Moscow, Russia, 119991; miller_tatyana@mail.ru)

INSTITUTIONS AND NETWORK PRACTICES IN GOVERNMENT DECISION-MAKING IN RUSSIA

Abstract. The article deals with the problem of the effectiveness of public institutions in the process of government decision-making. The author analyzes the different levels of goal setting, and highlights the special space, latent one, organized by a network principle, which determines the degree of involvement of formal institutions in the political process. The article also examines the positive and negative parameters of latent mechanisms of goal setting, as well as the essence of the state as a subject of decision-making. The analysis of latent connections and practices modifies the existing understanding of the mechanisms of political decision-making, and is a realistic format of public policy design.

Keywords: state, government decision-making, public policy, politic system, ruling regime, regulatory regime, public institutions, latent structures, network communications

БОРИСОВА Надежда Владимировна – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета (614990, Россия, г. Пермь, ул. Букурева, 15; borisova_nv@psu.ru)

ЯЗЫКОВАЯ ПРЕФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ЭТНИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ АВТОНОМИЯХ: КОНТУРЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ МОДЕЛИ

Аннотация. Язык как феномен культуры и инструмент коммуникации является важнейшим доменом жизни общества. Политизация языка происходит в результате публичных требований и споров относительно его политико-институционального статуса, определяемого конкретными публично-правовыми решениями или языковой политикой. Частным случаем языковой политики, реализуемой в целях поддержания баланса в фрагментированных в этнотерриториальном отношении политий, является языковая преференциальная политика. Она обеспечивает сохранение и воспроизводство титульного для этнических территориальных автономий языка. В статье предложен дизайн исследования языковой преференциальной политики в современных этнических территориальных автономиях.

Ключевые слова: языковая преференциальная политика, этническая территориальная автономия, политизация языка, языковое планирование

Язык как феномен культуры и коммуникативный инструмент создает и поддерживает непосредственную среду публичного дискурса и приватной сферы жизнедеятельности человека. Р. Брубейкер в своих исследованиях подчеркивает социально-политическую роль языка и отмечает, что жизнь общества невозможно представить вне языка как инструмента коммуникации [Brubaker 2013: 3]. Однако язык наряду с религией или расой может выступать в качестве фактора, обуславливающего или, как минимум, стимулирующего развертывание этнических конфликтов, как указывают Р. Брубейкер [Brubaker 2013: 3], Н. Борманн, Л. Цедерман и М. Вогт [Bormann, Cederman, Vogt 2015: 5]. Но является ли в связи с этим язык политическим феноменом? В чем и как проявляется его «политическое измерение»?

Существуют три традиции понимания языка и его роли в жизни общества:

1) язык как инструмент коммуникации, 2) как инструмент воспроизводства и ретрансляции культуры [Patten 2001] и 3) как ключевой элемент идентификации [Carla 2007: 287]. Первые две традиции характерны для социолингвистических исследований, рассматривающих язык как постоянно изменяющуюся систему, которая выполняет социальные функции выражения, обозначения, познания, трансляции и коммуникации [Кульжанова].

Третья традиция в понимании языка связана не только с социолингвистикой, но широко распространена в политической лингвистике, политической антропологии и социологии, для которых главная функция языка – идентификационная. Здесь наиболее важными оказывается соперничество трех теоретико-методологических подходов в изучении этничности и национализма: примордиализма, ситуационализма и конструктивизма. Примордиалисты, для которых этничность обусловлена природным (примордиальным) чувством духовной близости людей, а не социальными контактами [Винер 1998: 5], рассматривают язык как идентификатор этнической принадлежности его носителей и маркер ее границ. Они фактически настаивают на том, что язык предписан индивиду его происхождением и родственными связями. Для ситуационализма, основоположником которого является Ф. Барт, этническая идентичность предписывается конкретной жизненной ситуацией [Шажинбат 2015: 206]. Однако наиболее острой является дискуссия между примордиалистами и конструктивистами. Последние, критикуя примордиалистов, считают, что этничность создается (конструируется), будучи своего рода культурным артефактом [Андерсон 2001: 29], а язык является инструментом и одновременно результатом рационального выбора индивидов [Германова 2009: 32]. Иными словами, конструктивизм настаивает на том, что язык не является предзаданным элементом развития идентичности индивидов. Идентичность, как пишет А. Карла, «формируется через практики и системы взаимодействия индивида и государства, личности и власти» [Carla 2007: 287], где язык играет сугубо инструментальную роль коммуникатора.

Вместе с тем если следовать логике конструктивизма, то важны не только коммуникативное измерение функции языка, но его интегративно-символическая роль в формировании сообщества, будь то национального, политического [Wright 2015; Liu 2015] или этнического. В этом смысле язык становится частью политического, не будучи по природе своей политическим феноменом. Язык в его инструментальной ипостаси может быть одновременно способом [Кульжанова] и предметом политических споров [Kubota 2016]. В последнем случае речь идет о языке как об объекте специальной языковой политики. Здесь важным оказывается не сам язык как феномен культуры, а его политико-институциональный статус, являющийся результатом принятия и реализации конкретных публично-правовых решений. Языковая политика является системой мер и действий, которые направлены на развитие языка, стимулирование или сдерживание контактов и конкуренции между языками в сообществе. Доминирующим субъектом языковой политики выступает государство. При этом роль агентов языковой политики выполняют не только институты и органы государственной власти, но и иные субъекты публичной политики (политические партии, неправительственные организации, СМИ), а также институты образования и культуры.

Языковая политика является предметом политологических исследований, как правило, в контексте изучения проблем национального строительства [Скачкова 2015; Вахтин, Головкин 2004; Асиновский; Laletina 2013]. Вместе с тем не менее интересной она является в контексте обсуждения проблемы поиска баланса между достижением территориальной целостности государства и регионалистскими требованиями территориальной автономии для этнолингвистических меньшинств, входящих в его состав. В этом случае языковая политика приоб-

ретаает характер преференциальной и становится одной из составляющих института этнической территориальной автономии (ЭТА). Языковая преференциальная политика обеспечивает сохранение и воспроизводство титульного для ЭТА языка, а также (в некоторых случаях) миноритарных языков, носителями которых являются нетитульные этнические группы внутри ЭТА.

В настоящее время насчитывается более 100 этнических территориальных автономий в 30 странах мира. Однако далеко не всегда языковая преференциальная политика институционализована, что обусловлено в т.ч. и тем, что не язык, а, например, религия и традиции являются доминирующим основанием для выделения этнической группы, и, как следствие, преференции для ЭТА касаются не вопросов защиты языка, а иных социальных доменов. В этом отношении показательными являются случаи Саравака и Сабаха в Малайзии, а также Ачеха в Индонезии, преференции для которых касаются преимущественно религиозного исповедания. В ходе реализации проекта «Обеспечение баланса в межнациональных отношениях: региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств» (грант РНФ № 15-18-00034) была создана база данных, которая содержит разнообразную информацию по всем этническим территориальным автономиям. В базу включены и закодированы в т.ч. и данные относительно реализации языковой преференциальной политики. Данные базы показывают, что эта политика если и является широко распространенной, но характер и степень ее институционализации, а также конкретные модели ее реализации различны. Собранные данные позволяют предположить, что такому разнообразию способствует конфигурация набора таких факторов, как 1) этнолингвистическая структура ЭТА, проявляющаяся в ее этнолингвистической гетерогенности/гомогенности, а также в соразмерности образующих ЭТА этнических групп (меньшинств); 2) наличие *kin-state*, его географическая близость и характер, масштаб его политики в отношении *kin*-групп, образующих ЭТА; 3) политико-институциональное устройство государства и характер его административно-территориального деления; 4) уровень экономического развития ЭТА; 5) исторические условия появления (институционализации) ЭТА. Кроме того, следует согласиться с К. Уильямсом в том, что на объем, содержание и период осуществления языковой преференциальной политики влияние оказывают сложившиеся традиционно или ситуационно «отношения между политиками, чиновниками и группами интересов», а также «роль законодательных реформ, судебной практики в контексте защиты или модификации языковых стратегий» [Williams 2013: 102]. Иными словами, речь идет о том, что изучение языковой преференциальной политики требует выявления и характеристики ее субъектов, агентов, используемого ими набора ресурсов и предпочитаемой/выбираемой стратегии как продвижения политики, так и взаимодействия с другими агентами этой политики.

Воспроизводство этнолингвистического сообщества требует такой языковой преференциальной политики, которая не только обеспечивает реализацию права изучения языка меньшинства и говорения на нем в частной жизни, но и 1) организует комплексное школьное образование на языке меньшинства, который, таким образом, является средством обучения [Brubaker 2013: 8], и 2) вводит язык как средство коммуникации в публично-правой сфере и практиках администрирования.

Помимо понятия «языковая политика» в исследовательской литературе используется понятие «языковое планирование», под которым понимают реализацию языковой политики [Вахтин, Головкин 2004]. Различают два вида языкового планирования: планирование относительно корпуса языка (*corpus language planning*) и планирование относительно статуса языка (*status language planning*) [Gadellii 1999: 5]. Решения относительно норм и правил используемого сообще-

ством языка составляют планирование относительно корпуса языка. Эта группа решений чаще всего связана с решениями относительно грамматики и лексики языка, которые не столь часто имеют сколько-нибудь политическое значение. Вместе с тем именно к таким решениям следует относить реформы языка, включающие, например, смену алфавита или разрешение параллельного использования в письменной речи двух и более алфавитов. Показательными в этом плане оказываются примеры неудавшихся попыток латинизации алфавита в Чечне и Татарстане в 1990-х гг. в период децентрализации и максимального ослабления федерального центра в России. Эти случаи, полагаю, следует рассматривать не только как функциональное измерение языковой преференциальной политики, но как символическое воплощение требований регионализма и сепаратизма, безусловно, сопряженные с разрешением проблемы сохранения территориальной целостности государства.

Планирование относительно статуса языка включает решения относительно политико-правового положения языка, а также решения относительно организации системы его преподавания и изучения. Показательным является пример Боснии и Герцеговины, в энтитетах которой Дейтонская конституция 1995 г. обусловила институционализацию территориально и этнолингвистически сегрегированной системы школьного образования. Решения в отношении языка, подобные реализованным в БиГ, являются политически релевантными, поскольку составляют одновременно содержание, предмет языковой политики, а также имеют безусловно политические последствия с точки зрения функционирования политики.

Представляется, что конкретный вариант реализации языковой преференциальной политики создает, вероятно, различные системы институциональных соглашений относительно использования языка в сообществе и определяемых ими образцов языкового поведения и взаимоотношений, что, в свою очередь, влияет на институциональную силу и политический вес этнической территориальной автономии.

Исследование выполнено в Пермском государственном национальном исследовательском университете за счет гранта Российского научного фонда. Проект № 15-18-00034 «Обеспечение баланса в межнациональных отношениях: региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств» (рук. П.В. Панов).

Список литературы

Андерсон Б. 2001. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М.: КАНОН-Пресс-Ц; Кучково поле. 288 с.

Асиновский А. *Государства и их языки (Опыт России и европейских стран в области языкового строительства и языковой политики)*. 119 с. Доступ: http://rus-gos.spbu.ru/public/files/articles/%D0%90%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%B7%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B0_%D0%90%D1%81%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_538c5ed64ed79.pdf

Вахтин Н., Головкин Е. 2004. *Социоллингвистика и социология языка: учебное пособие*. СПб: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Изд-во Европейского университета в СПб. 336 с.

Винер Б. 1998. Этничность: в поисках парадигмы изучения. — *Этнографическое обозрение*. № 4. С. 3-26.

Германова Н. 2009. Искусственные языки воображаемых сообществ: про-

блема национальных языков в западной лингвистике. — *Вестник МГЛУ*. № 557. С. 24-41.

Кульжанова Г. Язык политики как социолингвистический феномен. Доступ: <http://policy03.narod.ru/29.doc> (проверено 05.11.2016).

Скачкова И. 2015. Языковая политика и языковое планирование: определение понятий. — *Политическая лингвистика*. № 51(1). С. 126-131.

Шажинбат А. 2015. *Этнос как философско-антропологическая проблема*: дис. ... д.филос.н. М.

Bormann N.-C., Cederman L.-E., Vogt M. 2015. Language, Religion and Civil War. — *Journal of Conflict Resolution*. August. P. 1-28.

Brubaker R. 2013. Language, Religion and the Politics. — *Nations and Nationalism*. № 19(1). P. 1-20.

Carla A. 2007. Living Apart in the Same Room: Analysis of the Management of Linguistic Diversity in Bolzano. — *Ethnopolitics*. № 6(2). P. 285-313.

Gadelii K.E. 1999. *Language planning: theory and practice. Evaluation of language planning cases worldwide*. UNESCO. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0011/001184/118456eo.pdf> (accessed 29.08.2016).

Kubota Y. 2016. State Traditions and Language Regimes. — *Current Issues in Language Planning*. June. P. 1-5.

Laletina A.O. 2013. Language Status Policy in Global World (based on the language policy of the USA and Russia). — *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. Philology Series. № 2. P. 320-326.

Liu A. 2015. *Standardizing Diversity: the Political Economy of Language Regimes*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 256 p.

Patten A. 2001. Political Theory and Language Policy. — *Political Theory*. № 29(5). P. 691-715.

Williams C. 2013. Perfidious Hope: The Legislative Turn. — *Regional and Federal Studies*. № 23(1). P. 101-122.

Wright S. 2015. What is language? A response to Philippe van Parijs. — *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. № 18(2). P. 113-130.

BORISOVA Nadezhda Vladimirovna, *Cand.Sci.(Pol. Sci.)*, Associate Professor of the Chair of Political Science, Perm State National Research University (15 Bukireva St, Perm, Russia, 614990; borisova_nv@psu.ru)

LANGUAGE PREFERENTIAL POLICY IN ETHNIC TERRITORIAL AUTONOMIES: RESEARCH MODEL KEYLINE

Abstract. Being both a phenomenon of culture and communicative tool, language is an important domain and modus of social and political life. However, language is not a political phenomenon. Language has been politicizing by public requests, claims and debates in respect to its political and institutional status that is the result of political decision-making and implementation of language policy. The special case of this policy is language preferential policy that maintains a balance in ethnically fragmented polities. It provides the preservation and reproduction of titular language and (in some cases) minority mother tongues in ethnic territorial autonomy. This article focuses on the task of the formulation of research design of language preferential policy in contemporary ethnic territorial autonomies.

Keywords: language preferential policy, ethnic territorial autonomies, language planning, politicization of language